

их бальнеологическое значение еще больше возрастает. Как известно, в районе Ленинграда (в Полострове) также имеются железистые источники несколько иного химического состава. Они были открыты в 1717 году, т. е. почти одновременно с марциальными водами Карелии, и давно уже приобрели довольно широкую известность.

В недавно вышедшей статье Г. Я. Мейера¹ отмечается, что «Полостровская вода имеет большой,

все возрастающий спрос. Ею снабжают горячие цеха некоторых ленинградских заводов. За несколько лет до Отечественной войны полостровскую воду начали вывозить в разные города СССР—в Архангельск, Вологду, Тюмень, Сталинград, Фрунзе, наконец, она появилась и в Москве». Думается, что многие северные районы Союза могли бы снабжаться весьма ценными в бальнеологическом отношении марциальными водами Карелии.

И. В. Баранов

Кандидат химических наук
Ленинградский государственный университет
имени А. А. Жданова

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА МАМОНТ

Можно уверенно сказать, что не существует другого вымершего животного, которое было бы более широко известно, чем мамонт. У нас в СССР мамонта знают все, наши музеи располагают большим количеством костей этого животного; мало того, на нашей территории не один раз находили даже хорошо сохранившиеся замерзшие трупы этих древних слонов.

В прежние времена кости мамонта не всегда принимали за кости слона; нередко их считали человеческими и были уверены, что они принадлежат какому-то великану.

Есть основание думать, что древнегреческое сказание о циклопах возникло в результате находок черепов ископаемых слонов и, в частности черепов мамонтов.

На черепе мамонта неопытному человеку нелегко найти те небольшие углубления, в которых у живого животного помещались глаза, но легко обнаружить расположенное спереди большое непарное отверстие, служащее входом в полость носа. Это отверстие, очевидно, и принималось за глазницу, в которой помещался единственный глаз. В случаях потери длинных бивней череп мамонта по своей общей форме напоминал череп человека. Поэтому нет ничего удивительного в том, что древние греки каждый череп мамонта могли принимать за череп одноглазого циклопа.

Таким образом, возможно что именно черепа мамонтов сначала послужили поводом для сказаний о циклопах, а затем каждая новая находка подобного черепа рассматривалась уже как вещественное доказательство правдивости рассказов об одноглазых великанах.

¹ Г. Я. Мейер. Полостровские минеральные воды. Труды Лаборатории гидрогеологических проблем имени академика Ф. П. Саваренского, 1948, т. III, стр. 270—271.

Позже, в Западной Европе, кости мамонтов в течение нескольких столетий еще продолжали считаться если не костями циклопов, то во всяком случае костями людей-великанов.

Русские в прежние времена также принимали кости мамонтов за кости людей и нередко полагали, что они принадлежат богатырям. Может быть поэтому в «Былине о том, как перевелись витязи на Руси» говорится, что все они после проигранной битвы с «силой нездешней» окаменели. Очень возможно, что именно мамонт был виновником появления того распространенного убеждения, что люди прежних времен отличались очень большим ростом и силой и что позже род человеческий пришел в упадок и измельчал... Неожиданные находки в земле очень больших костей, казалось, всякий раз подтверждали такой взгляд.

Интересно, что в некоторых местах Западной Европы кости мамонта иногда признавались костями драконов, а не людей. Например, когда в 1700 году в Германии при земляных работах было найдено больше 60 бивней мамонтов, то целые бивни по распоряжению местных властей были сохранены, а сильно поврежденные — переданы в ... аптеку как *Ebur fossile* (кость ископаемая); там они были перетерты в порошок и превращены в лекарство.

Доверчивые больные считали, что «драконова кость» может излечивать самые различные недуги и наделять выздоровевшего больного почти драконовой силой.

Очень интересно, что к востоку от Уральского хребта, на всем протяжении Сибири никто никогда не считал мамонта человеком; там он всегда признавался животным и никогда не возводился в ранг дракона.

Несмотря на то, что кости мамонта были известны человечеству очень давно, слово «мамонт» вошло в общее употребление, по всей вероятности, только

после опубликования в 1692 году книги голландца Витсена, в которой он описывал свое путешествие по России. Витсен писал, что в Сибири при разливах рек из берегов нередко вымываются зубы, похожие на зубы слонов: «Тамошние жители называют их маммутекоос (Mammutekoos), что значит кости зверей маммутов (Mammout)»¹. Почти нет никаких сомнений, что именно из этой фразы Витсена слово «маммут» широко распространилось в научной литературе всех народов. Как известно, это слово на всех европейских языках пишется почти одинаково. Например: по-английски — Mammoth, по-французски — Mammouth, по-немецки — Mammut, по-испански — Mamut, по-итальянски — Mammut, по-шведски — Mammut и т. д. Так как это слово чужое для всех народов Западной Европы, то совершенно естественно, что оно ни на одном из языков Запада ничего не означает. Это обстоятельство привело к тому, что некоторые западноевропейские ученые стали думать, что слово «мамонт» по своему происхождению — русское. Однако и на русском языке оно, как нам известно, также ничего не значит. Поэтому русский академик П. С. Паллас (1741—1811) высказал предположение, что слово «мамонт» татарское. «Слово «мамонт», — писал Паллас, — которое присваивается баснословному зверю и от которого русские назвали ископаемые слоновые кости «мамонтова кость», вероятно, происходит от татарского; на этом языке слово «мама» означает землю»². Но такая трактовка была ошибочной.

Принимая во внимание то обстоятельство, что кости мамонта и его бивни были очень давно и хорошо известны многим народам Сибири, следует думать, что свое название этот ископаемый слон должен был получить где-то на севере Азии.

Как известно, бивни мамонта, в большом количестве добывались из вечной мерзлоты на севере Сибири и оттуда в былые времена направлялись в Китай; там «слоновая кость» служила материалом для изготовления различных изящных предметов. Совершенно естественно, что то загадочное животное, бивни которого употреблялись на различные подделки, должно было получить в Китае какое-то свое название. И нам известно, что мамонт у древних китайцев назывался «тиен-шу». По этому вопросу Тилезиус (1821) приводит интересные данные, заимствованные им из сообщения Клапрота, сделанного Академии наук на латинском языке. Клапрот писал следующее: «В пространной Естественной

истории, изданной в XVI столетии на китайском языке под заглавием «Бун-зоо-ганн-му», содержится следующее описание (мамонта. — А. Б.). Зверь тиен-шу, который упоминается уже в старинном Церемониале Лы-ки (изданном в V веке до н. э.), называется также фин-шу или ун-шу, то есть мышь, зарывающаяся в землю. Он живет безвыходно в земляных норах, с виду похож на мышь, но величиной с большого быка или буйвола. Хвоста не имеет и весь темнубурого цвета. Очень силен»¹.

Все эти представления о тиен-шу, несомненно, были в свое время занесены в Китай теми сибирскими народами, которые продавали бивни мамонтов китайским ремесленникам.

Первые и интересные сведения о взглядах народов Сибири на мамонта мы находим в книге голландца Идеса, в которой он рассказывает о своем путешествии в Китай. Идес в 1692—1695 годах дважды проехал через Сибирь и в 1704 году издал описание своего путешествия. За время своего длинного и утомительного пути Идес слышал много рассказов о мамонтах и в своем сочинении сообщил, что «якуты, тунгусы и остяки говорят, что эти животные постоянно держатся в земле и ходят там туда и сюда, хотя вследствие лютых морозов зимой земля там, повидимому, должна быть сильно замерзшей; они рассказывают также, будто бы им часто приходилось видеть, как в том месте, где такой зверь проходил, земля над ним поднималась и затем снова опадала, так что появлялась глубокая яма. Далее они полагают, что когда этот зверь поднимается настолько высоко, что почует воздух, он в ту же минуту умирает, вследствие чего много этих зверей и находят в высоких берегах рек, где они нечаянно выходят на свет... Никто не видел мамонтов живыми»².

Разумеется, каждый народ Сибири, считая мамонта огромным подземным зверем, похожим на мышь или на крота, давал ему особое название на своем языке. Так, на языке эвенгов (ламуты) мамонт называется «кеми»; якуты называют его «уукула», что значит водяной зверь, или чаще — «уу-огуха», т. е. водяной бык. Связь мамонта с водой, отмеченная в его якутском названии, объясняется тем, что в некоторых местах Сибири считалось, что мамонт, живя в земле на значительной глубине, иногда прорывает ходы в большие реки; зимой, когда реки бывают покрыты льдом, мамонт ходит по

¹ Тилезиус. Описание остова сибирского мамонта. Труды Академии наук, 1821, часть 1, стр. 106—173.

² Д. Н. Анучин. Доклад по поводу реставрации мамонта для антропологической выставки. Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1879, т. XXXV, стр. 35—52.

¹ Witsen. Noord en Oost Tatarye, 1692.

² P. S. Pallas. De ossibus Rhinocerotum et Bufalorum. Novis Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae, 1769, v. XIII, p. 436—477.

их дну, при этом толстый лед защищает его от смертоносного для него дневного света. Во время таких путешествий нередко бывают случаи, что в мелких местах мамонт поднимает своей спиной речной лед и он трескается над ним¹. Поводом для создания такого взгляда на мамонта, очевидно, послужили находки его костей на берегах рек после спада полой воды.

Эвенки (тунгусы) называют мамонта «хэли». По-ненецки мамонт — «яхора». Это название состоит из слов «я» — земля и «хора» — зверь. Следовательно, означает земляной зверь. Эскимосы называют мамонта «камагрита». Это слово ими заимствовано у чукчей; по-чукотски «камагрин» означает мертвый зуб — так чукчи называют бивни мамонта. На языке манси (вогулы) мамонт называется «веткес», а по-остячки (хенты) — «вес».

Б. Н. Городков был первым, кто установил, что таинственный зверь *vess* (*vess*), упомянутый в известном сочинении Герберштейна (1556) о Московском государстве, является мамонтом².

«У них,— писал Герберштейн о народах северной части Московии,— имеется великое множество птиц и различных животных, каковы, например, соболи, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж... Кроме того, *vess* (*vess*), точно также белые медведи, волки, зайцы... и весьма многие другие»³. Таким образом, Герберштейн в своем сочинении, сам того не подозревая, поместил среди современных животных давно вымершего мамонта под его остяцким названием.

Следует признать, что все попытки найти корни слова «мамонт» в языках различных народов севера Азии до сих пор не дали никаких результатов. Мы видим, что хантское название мамонта «вес», мансийское — «веткес», якутское — «уукыла», ненецкое — «яхора», эвенское — «кеми», эвенкийское — «хэли» и эскимосское — «камагрита» ничем не напоминают европейского слова «мамонт». Следует подчеркнуть, что, несмотря на большое разнообразие названий мамонта, у всех народов Севера Азии в прежние времена было по существу одинаковое представление об этом таинственном звере. Его считали чем-то вроде огромного подземного крота, которого никто никогда не видел живым и который будто бы мгновенно умирает, если попадает на солнечный свет.

¹ П. А. Городков. Мамонт. Западно-Сибирское сказание. Ежегодник Тобольского Губерн. музея, 1908, вып. 18.

² Б. Городков. Первые сведения о мамонте, «Природа», 1930, № 2, стр. 221—223.

³ Herberstein. *Rerum Moscoviticarum commentarii* Basileae, ex Officina, 1568.

Таким образом, изучение интересующего нас вопроса привело к следующим результатам:

1. В Западной Европе в былые времена по поводу костей мамонта высказывались самые различные предположения. Это продолжалось до тех пор, пока они не были в XVII столетии признаны костями вымерших слонов. Что же касается слова «мамонт», то оно, несомненно, было занесено в Западную Европу из России и быстро вошло в общее употребление, хотя и было совершенно непонятно.

2. У населения северной Азии представления об образе жизни мамонта издавна были одинаковы, но название его у каждого сибирского народа было свое собственное и совершенно не похожее на то, которое вошло в научную литературу Европы.

Откуда же взялось принятое в настоящее время всем миром слово «мамонт»? Эту задачу, по всей вероятности, правильно разрешил крупный русский ученый К. М. Бэр (1792—1876), который первый обратил внимание на то очень важное обстоятельство, что слово «мамонт» по-эстонски означает «земляной крот» (*маа* — земля; *мутт* — крот). «Мамут (*Mamut*),— писал К. М. Бэр (1866),— буквально означает земляной крот (*Erd-Mull*, *earth-mole*); при этом восточно-финское слово «мут» в русском названии «мамонт» изменено»¹.

Интересно, что «земляной крот» по-фински — *маа-мууга* — напоминает слово «мамонт», но не в такой степени, как эстонское *маамутт* (*maamutt*)

Все это приводит нас к неожиданным результатам: эстонские слова *маа-мутт* (земляной крот) вполне соответствуют слову *мамут* (мамонт) и поразительно точно выражают сибирские представления об этом животном.

У эстонского народа не сохранилось никаких сказаний, которые хотя бы частично напоминали сибирские рассказы о мамонте. В то же время ни один народ Сибири в своем языке не имеет слова «мамонт».

Как же могло случиться, что своеобразное представление о мамонте, возникшее в Сибири, получило свое словесное оформление на берегах Балтийского моря? Это можно объяснить только допущением каких-то связей, некогда существовавших у предков эстонцев с народами Сибири. Подобную мысль высказывал и К. М. Бэр (1866). Это предположение не противоречит и современным нашим представлениям о перемещениях различных племен и народов на территории СССР в далеком прошлом.

«Можно, однако, предположить,— пишут Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров,—

¹ К. Baer. *Neue Auffindung eines vollständigen Mammuths etc.* Melanges biologiques Acad. sc. Petersburg, 1866, v. V, p. 645—740.

что уже в конце позднего палеолита, в связи с заселением русского Севера, туда начали проникать монголоиды из Сибири.

В мезолитическое время монголоидные типы, несомненно, проникали из Сибири на север Европы, где еще тогда начался процесс смешения с европеоидами, распространившимися с юга¹.

В антропологическом типе современных эстонцев примесь монголоидных элементов, конечно, ничтожна, но нельзя не отметить, что эстонский язык относится, как известно, к финно-угорской языковой семье, первоначальное формирование которой происходило, вероятно, в Приуралье и Западной Сибири².

В численном отношении пришельцы из-за Урала составляют весьма незначительную часть в составе предков эстонского народа, но это была именно та часть, которая принесла с собой основу современного эстонского языка.

Все это дает нам право допустить, что народы финно-угорской языковой системы когда-то пришли на места их теперешнего обитания из-за Урала. Если это было действительно так, то следует думать, что упомянутая часть предков эстонцев в свое время имела также представление и о мамонте, как и другие народы Сибири, среди которых они жили. Подобно своим соседям, они считали мамонта огромным «земляным кротом» и называли его на своем языке «маамутт» (maamutt). Позже, после медленной миграции на запад, этот народ перестал находить замерзшие трупы мамонтов и все рассказы об этом таинственном звере были забыты. Однако название его уже к этому времени было передано соседним народам и прочно вошло в русский язык.

В конце XVII века непонятное слово «мамут» (мамонт), которое многими считалось русским, было занесено в литературу Западной Европы и скоро сделалось международным.

Профессор А. П. Быстров

Ленинградский Государственный университет
имени А. А. Жданова

НОВЫЙ МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье Ф. Веста и Л. Гранателли³ описывается новый метод качественного анализа неорганических соединений на присутствие тех или иных ионов. Метод заключается в сплавлении исследуемого вещества с 8-гидроксихинолином на нагревательном столике микроскопа.

В прозрачном расплаве образуются микроскопические кристаллики соединения, получающегося при взаимодействии 8-гидроксихинолина с ионами, входящими в состав исследуемого вещества, например, ионом NO_3^- для азотнокислых солей. Форма и оптические свойства этих кристалликов зависят от того, какой ион вступает в реакцию. Так, для иона NO_3^- характерно образование бесцветных пластинчатых кристаллов, имеющих форму ромба (рис. 1).

Для иона двухвалентной меди характерно несколько видов кристаллов, каждый из которых существует во вполне определенном интервале температур (рис. 2).

Наблюдая под микроскопом процесс сплавления 8-гидроксихинолина с химическими соединения-

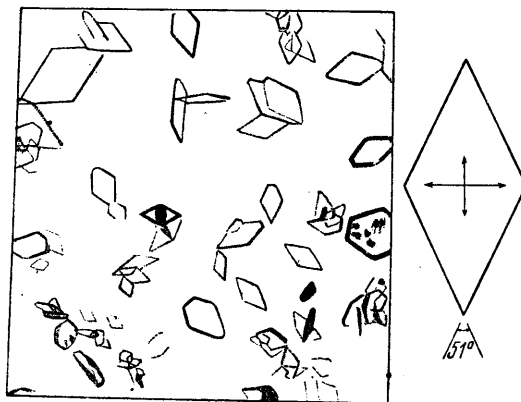

Рис. 1. Кристаллы, характерные для иона NO_3^-

¹ Г. Ф. Дебец, Г. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1951, т. XVI, стр. 463.

² Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 49.

³ Analytical Chemistry, 1952, v. 24, № 5, p. 870.